

Валерий Брюсов

**В защиту от одной
похвалы**

Валерий Яковлевич Брюсов

В защиту от одной похвалы

«Дорогой Андрей! Статья твоя в прошлом Но нашего журнала („Апокалипсис в русской поэзии“), обличая, должно быть, по справедливости, мою „Музу“ в том, что она – „Великая Блудница на багряном звере“, в то же время оказывает мне такую честь, которую я, по совести, принять не могу и от которой должен отказать...»

Валерий Брюсов
В защиту от одной похвалы
Открытое письмо Андрею
Белому[1]

Дорогой Андрей! Статья твоя в прошлом Но
нашего журнала («Апокалипсис в русской
поэзии»), обличая, должно быть, по справед-
ливости, мою «Музу» в том, что она – «Вели-
кая Блудница на багряном звере», в то же вре-
мя оказывает мне такую честь, которую я,
по совести, принять не могу и от которой дол-
жен отказаться.

Назвав имена шести поэтов, Некрасова,
Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, меня и Блока,
ты пишешь: «Только эти имена (после Пуш-
кина и Лермонтова) и западают глубоко в ду-
шу; талант названных поэтов совпадает
с провиденциальным положением их в об-
щей системе национального творчества». Ко-
нечно, лестно оказаться в числе шести из-
бранных, рядом с Тютчевым и Фетом, –
но не понадеялся ли ты, Андрей, слишком
на свой личный вкус? Я уже не упоминаю
о поэтах, значение которых можно оспари-
вать (напр<имер>, А. Толстой, Н. Щербина,
К. Случевский), но как мог ты пропустить
имена Кольцова, Баратынского, А. Майкова,
Я. Полонского, а среди современников –
К. Бальмонта? Ты ответишь, что говоришь

только о тех поэтах, в творчестве которых сказался «Апокалипсис». Но, как хочешь, поэтов можно мерить только по достоинствам и недостаткам их поэзии, ни по чему другому. Если в глубинах русской поэзии суждено, как ты утверждаешь, зародиться новой, еще неведомой миру религии, если русская поэзия «провиденциальна», – то наиболее яркие представители этой поэзии и будут представителями «Апокалипсиса в русской поэзии». Если же этими представителями оказываются поэты второстепенные, это значит, что поэзия здесь ни при чем! И неужели Блок более являет собой русскую поэзию, чем Бальмонт, или неужели поэзия Баратынского имеет меньшее значение, чем моя? Ты расцениваешь поэтов по тому, как они относятся к «Жене, облеченной в солнце». Критики 60-х годов оценивали поэтов по их отношению к прогрессивным идеям своего времени. Те выкидывали из своей схемы Фета, ты – Бальмонта. Право, разница небольшая. Оба метода подают друг другу руки. Но ты идешь до конца, ты говоришь: «только эти имена и западают глубоко в душу» – значит,

остальные не западают, *не запоминаются*. Нет, я решительно отказываюсь от чести быть в числе шести, если для этого должен *забыть* Кольцова, Баратынского, Бальмонта. Предпочитаю быть исключенным из представителей современной поэзии, вместе с Бальмонтом, чем числиться среди них с одним Блоком.

Кстати уж о двух твоих утверждениях, не относящихся прямо ко мне.

Вл. Соловьев (один из шести!) сказал где-то:

*Конечно, ум дает права на глупость,
Но лучше сим не злоупотреблять.*

Я боюсь, что в твоей статье (в общем прекрасной, смелой, яркой) есть кое-где... злоупотребления присущим тебе правом. В «Трех разговорах» одно из действующих лиц говорит, что «не только в воздухе, но и в душе нет полной ясности». Пользуясь этим, ты утверждаешь, что Вл. Соловьев предсказал извержение Лысой Горы на Мартинике, когда весь мир заволкло «дымкой» и не стало нигде

полной ясности. Но, друг мой, Андрей, ведь это предсказание основано на игре словами. Переведи фразу Вл. Соловьева на другой язык и предсказание исчезнет. А то найдется слишком легкий способ быть пророком. Держась твоего метода, можно будет утверждать, что Бальмонт еще в 1897 г. предсказал трагическое плавание адмирала Рожественского, потому что написал:

Плывите, плывите скорей, корабли!

Далее увлекаясь своей идеалистической мистикой, ты восклицаешь о русско-японской войне: «И войны вовсе нет: она порождение нашего больного воображения». Слова «есть» и «нет» имеют определенное значение. Ни одно из них не применимо в данном случае. Если же смотреть на все внешнее как на несуществующее, только как на символ внутреннего, можно будет сказать не об одной войне, а о чем угодно, что этого нет. Так я могу сказать, что и твоей статьи нет. Тогда, разумеется, мое открытое письмо окажется лишним.

Сноски

Упрекают нас, что мы заняты самокритикованием, и называют это саморекламированием. Смешной упрек. Критики оценивают в литературе то, что кажется им более важным, и естественно, что это более важное усматриваем мы у наших единомышленников. Г. П. Я. из «Русского Богатства» не стесняется критиковать поэтов из «Русского Богатства» или из журналов, сходных по направлению (см. его книги: «Очерки русской поэзии» и «Русская муза»), восхваляя каких-то гг. Синегубов, Шрейтеров, Башкиных или г-жу Галину. Почему же сотрудники «Весов» лишены права говорить о сотрудниках «Весов»? Да к тому же, ах! наши статьи друг о друге скорее возбуждают обиду в критикуемом, чем благодарность.

[^^^]